

Цзи Цинбай испытывал жалость к духовному сознанию этой девочки и размышлял, что как только три души стабилизируются, он отправится в ближайшее отделение подземного суда, чтобы подыскать этому ребёнку хорошее перерождение. Это тоже считается благим деянием для его Почтенного Будды. Но потом он вспомнил, сколько людей за столько лет убил Тань Чжан, и у Цзи Цинбая перед глазами потемнело, словно ему пришлось вытирать задницу сумасшедшему боссу.

Однако и жизнь, и смерть являются испытаниями. Хотя Почтенный Будда превзошёл шесть миров и не связан судьбами этого мира, но чем более он действует по своему желанию, тем сильнее отдача кармы, и страдания становятся глубже.

Цзи Цинбаю очень хотелось поскорее увидеть Тань Чжана, но он также боялся этой встречи. В конце концов, если нынешний император Цзинфэн в плохом настроении прикончит его, потом придётся снова просить ту мерзкую птицу Бай Чао составить новую судьбу. Кто знает, сможет ли он в следующий раз стать человеком...

Вдовствующая императрица оставила Цзи Цинбая на ужин и специально послала маму позвать императора Цзинфэна.

Вскоре мама вернулась и доложила, что Тань Чжан сегодня нездоров, поэтому не придёт в Чертог Величия Феникса.

Восемь страданий жизни, пятое — пылание пяти скандх.

Когда Почтенный Будда спустился в нижний мир, страдать пришлось не только духу, но и телу. Можно сказать, что сверху донизу всё состояло из болезней и боли.

Цзи Цинбай снова вспомнил тот маленький след красного лотоса, который он видел в духовном сознании, и не мог не нахмуриться.

Вдовствующая императрица положила ему еду в пиалу:

— Сегодня жаль, что не удалось повидаться с твоим императорским братом. Но через несколько дней начнётся пир по случаю Начала Осени, тогда ты со своим отцом приедешь во дворец, и я восполню для тебя церемонию совершеннолетия.

В день своего пятнадцатилетия Цзи Юй всё ещё была слабоумной, поэтому церемонии совершеннолетия, естественно, не было. Предложение вдовствующей императрицы провести её на пиру по случаю Начала Осени не было чрезмерным.

Цзи Цинбай говорил мало. Во-первых, он не очень привык к этому детскому голоску девочки, а во-вторых, все его мысли были заняты тем, как расторгнуть помолвку. Хотя выйти замуж за Тань Чжана было бы самым лёгким способом приблизиться к нему, но он ведь всего лишь секретарь и всегда придерживался принципа усердно работать, но не продавать тело.

К тому же, если брак состоится, смерть — это ещё не самое страшное. Среди восьми страданий Почтенного Будды есть испытание чувствами. Заключение брака в нижнем мире означает сближение судеб. Цзи Цинбай к тому же достиг уровня Верховного бога. Если страдания от любви смешать с двойственной природой Будды и бога, то, возможно, Почтенный Будда со своим уровнем культивации сможет выдержать, но Цзи Цинбай не мог гарантировать, что его изначальная душа останется целой и невредимой.

Даже будучи передовым сотрудником, нельзя постоянно допускать производственные травмы!

Приближалась осень, ночью стало прохладно, появился лёгкий туман. Вдовствующая императрица, проявляя заботу о слабом здоровье Цзи Юй, не задерживала её слишком долго и приказала маме проводить её домой.

Выйдя из Чертога Величия Феникса, Цзи Цинбай вспомнил, что сегодня ещё не занимался физическими упражнениями, и решил своим ходом дойти до дворцовых ворот.

Мамы и евнухи беспокоились, но Цзи Цинбай не позволил им следовать слишком близко, поэтому они могли лишь держаться поодаль.

Чтобы вернуться к дворцовым воротам, нужно было пересечь весь Сад Золотого Пруда. Пройдя половину пути, Цзи Цинбай уже выдохся. Он присел на корточки, переводя дух, и почувствовал, как грудь отяжелела. Оглянувшись на далеко следующих за ним евнухов и мам, Цзи Цинбай без долгих раздумий запустил руку под одежду и просто стянул лифчик.

Какие мучения! Цзи Цинбай вытер пот. Он был настолько слаб, что руки дрожали, но дыхание наконец-то стало ровнее.

В Саду Золотого Пруда искусственные скалы и причудливые камни образовывали лес, высокие сосны и кипарисы почти скрывали облака и туман. Цзи Цинбай сидел на странном камне, отдыхая, и всё ещё сжимал в руке лифчик, какое-то время обмахиваясь им как веером.

Но не успел он насладиться тишиной, как услышал позади шум.

В такую позднюю ночь, в таком огромном саду, даже будучи богом, Цзи Цинбай немного струхнул. Тем более сейчас он был в смертном теле, душа нестабильна, не говоря уже о божественных силах — даже если бы сейчас пришлось драться с какой-нибудь девицей, в его нынешнем состоянии вряд ли бы хватило сил вырвать у неё волосы.

Цзи Цинбай оглянулся назад, никого не увидел, но учуял запах крови. Сердце его ёкнуло от страха: он подумал, что наткнулся на убийцу. Только собрался закричать, как вдруг чья-то рука схватила его за лодыжку.

Цзи Цинбай...

На земле лежали пять или шесть мёртвых евнухов — действительно мёртвых, насквозь.

Схвативший Цзи Цинбая за лодыжку был тоже не убийца, а его собственный, похожий на призрака, Почтенный Будда — Тань Чжан.

Император Цзинфэн прижимал руку к груди, глаза были алые, корона сбилась. Цзи Цинбаю не нужно было гадать — он сразу понял, что у того внутренняя боль огня Инь, приступ безумия. К счастью, перебив кучу людей, тот выдохся и не мог больше поднять меч, лишь с трудом опирался на своё больное тело. Иначе Цзи Цинбай ни на секунду не сомневался, что уже вернулся бы под Красный Лotosовый Диск и дрался бы там с Бай Чао.

Император Цзинфэн всё ещё пытался поднять меч. Цзи Цинбай сразу отступил на два шага назад. Тань Чжан не смог справиться с силами, прямо кашлянул кровью и рухнул на землю.

Цзи Цинбай подождал ещё немного, набрался смелости, подошёл на несколько шагов и отшвырнул ногой меч из руки того.

Тань Чжан повернул голову, его кровавые глаза холодно и пристально уставились на Цзи

Цзинбая. След красного лотоса под левым глазом был ещё темнее, чем тот, что Цзи Цинбай видел в духовном сознании. Лепестки, словно обожжённые огнём, лизали его фениксовые веки.

Это лицо, идентичное лицу Безмерного Почтенного Будды, оказывало на Цзи Цинбая огромное давление. Он подумал и всё же подвинулся вперёд, осторожно опустившись на колени рядом с Тань Чжаном.

В Обители Будды каждый месяц Тань Чжан сходил с лotosового трона на семь дней. Безмерный Почтенный Будда управлял добром и злом между небом и землёй. Хотя сам он обладал безграничной буддийской силой, но не был полностью свободен от влияния.

Эти семь дней были самыми загруженными для Цзи Цинбая.

Да, его истинная сущность — Пожиратель снов, специально взращивающий божественное море Безмерного Почтенного Будды.

Сейчас, в мире смертных, у Цзи Цинбая не было ни капли божественной силы, он не мог превратиться в истинную сущность и войти в сон, но это не означало, что у него совсем не было способа облегчить боль огня Инь Тань Чжана.

Император Цзинфэн лишь почувствовал, как пара маленьких ручек подняла его голову. В сердце его вспыхнули ужас и гнев, он только собрался сопротивляться, как вдруг в точке между бровями возникла прохлада — указательный палец Цзи Цинбая коснулся этого места.

Божественная сила трёх душ была жалко слаба. Цзи Цинбай мог собрать лишь немного жизненной энергии в кончике пальца, чтобы прочистить каналы и оживить меридианы императора Цзинфэна. Хотя у него и были женские руки, но движения не содержали ни капли мягкости. Для Цзи Цинбая такое дело было вопросом навыка, отточенного до совершенства. За десятилетия стаж он стал первоклассным высококвалифицированным массажистом!

Тань Чжан вдруг почувствовал, как в точку между бровей будто хлынул чистый поток, медленно орошая конечности и все внутренности, успокаивая боль в глубине тела. Он открыл глаза в темноте, обводя взглядом лицо Цзи Цинбая, не отрываясь ни на мгновение.

Как уже говорилось, тело Цзи Цинбая было жалко слабым. Ему было трудно собирать жизненную энергию, и он совершенно не мог отвлекаться на что-то другое. Под взглядом Тань Чжана он не мог не раздражаться из-за его бессмысленных убийств, поэтому просто накрыл лицо императора своим лифчиком и хриплым голосом отмахнулся:

— Прошу прощения за дерзость.

Тань Чжан...

Цзи Цинбай подумал и всё же, движимый инстинктом самосохранения, добавил:

— Я носил его на себе, он не грязный.

Когда Цзи Цинбай внезапно очнулся, он обнаружил, что всё ещё находится у подножия искусственной скалы. Он вздрогнул, вытер слюну с уголка рта и, опустив голову, увидел, что Тань Чжан спит у него на коленях.

Наверное, он был первым богом, который заснул из-за чрезмерной траты жизненной энергии...

Цзи Цинбай не смел больше думать об этом, потому что это было слишком унижительно!

Мамы и евнухи дрожали от страха, ожидая снаружи. Цзи Цинбай немного поколебался, но всё же подложил лифчик под голову Тань Чжану, опёрся на онемевшие от долгого сидения на коленях ноги, поднялся и, прихрамывая, вышел, чтобы позвать людей.

У Тань Чжана был императорский паланкин. Несколько крепких молодых евнухов подняли императора и на руках отнесли его обратно во дворец. Тела у подножия искусственной скалы тоже убрали. То, как они делали всё это, было слишком привычным. Выражение лица Цзи Цинбая стало сложным, ему лишь почудилось, что впереди нет света, а путь долог и труден.

Заниматься физическими упражнениями сил определённно не было. Цзи Цинбай покорно сел в паланкин, за воротами дворца пересел в карету и всю дорогу спал, пока не вернулся в резиденцию канцлера.

В Чертоге Юйлун лекарь Лу Чаншэн стоял на коленях на полу, ощупывая пульс императора Цзинфэна. Узнав о ночном приступе безумия Тань Чжана, он немедленно явился, но на этот раз приступ у императора оказался серьёзнее, чем обычно — он даже пропал без вести, а вернулся весь в крови, и несколько евнухов, обычно прислуживавших рядом, исчезли.

На душе у Лу Чаншэна было очень беспокойно. Рука, лежащая на запястье императора, изо всех сил старалась не дрожать, но, сосредоточившись и послушав какое-то время, он немного удивился.

— Обычно в Вашем Величестве внутренний огонь слишком силён, поэтому легко обжигает сердце и опалает лёгкие, причиняя нестерпимую боль.

Сказав это, Лу Чаншэн осторожно взглянул на человека за занавесью и, не увидев реакции, продолжил:

— После сегодняшнего приступа внутренний огонь Инь в Вашем Величестве, кажется, значительно ослаб. Этот слуга дополнительно пропишет Вашему Величеству рецепт, убирающий внутренний жар. В ближайшие дни Ваше Величество определённно сможет хорошо поспать.

Тань Чжан по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Рядом с его изголовьем лежал женский лифчик. Хотя Лу Чаншэн внутренне удивлялся, но с характером императора Цзинфэна он, естественно, не смел спрашивать лишнего. Новые маленькие евнухи подали бумагу и кисть. Лу Чаншэн переписал рецепт и отдал им.

Без разрешения вышестоящих лиц лекарь Лу не смел уйти и мог лишь продолжать стоять на коленях, опустив голову.